

Istoria
ИСТОРИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ.

Chrestomathy, Boris' Miaslovskiy
В. ЧИЧЕРИН.

Ч. 3.
ЧАСТЬ 3.

НОВОЕ ВРЕМЯ.

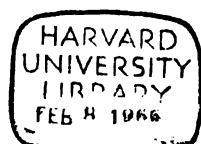
РОСА 3 Р. СЕР.

МОСКВА.

ТИПОГРАФИЯ ПРАЧЕВЪ ВЪ РОСѢ, У ПЕРВОСТУПЕНСКИХЪ ДОРЪ, Д. МЕДВЕДОВЪ.

1874.

Gov 123.10 (3)
✓

JA81
C53

8190708

МОНАРХЪ ГЪМОНЪРЪТЪНЪ

МОНАРХЪ ГЪМОНЪРЪТЪНЪ

МОНАРХЪ ГЪМОНЪРЪТЪНЪ

МОНАРХЪ ГЪМОНЪРЪТЪНЪ

104853
105

МОНАРХЪ ГЪМОНЪРЪТЪНЪ

МОНАРХЪ ГЪМОНЪРЪТЪНЪ

МОНАРХЪ ГЪМОНЪРЪТЪНЪ

МОНАРХЪ ГЪМОНЪРЪТЪНЪ

ИНДИВИДУАЛИЗМЪ.

(продолженіе).

3. ГУЧИСОНЪ И ФЕРГЮСОНЪ.

Мы видѣли, что Кларкъ, а за нимъ Монтескьё выводили нравственный законъ изъ необходимаго отношенія вещей. Шотландскіе философы, развивая начала, положенныя Локкомъ, послѣдовательно отвергли возможность дать нравственности подобное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, нравственныя отношенія не могутъ быть названы въ строгомъ смыслѣ необходимыми, то есть, такими, которыхъ противоположное немыслимо. Когда Монтескьё сравниваетъ возможные отношенія разумныхъ существъ съ возможными отношеніями радіусовъ въ кругѣ, то это сравненіе грѣшитъ тѣмъ, что математическіе законы всегда одни и тѣ же, тогда какъ между людьми существуютъ и могутъ существовать самыя разнообразныя отношенія. Изъ нихъ одни нами одобряются, другія не одобряются; одни получаютъ названіе нравственныхъ, другія безнравственныхъ. Спрашивается: на какомъ основаніи дается это одобреніе? Разумъ, по теоріи Локка, не можетъ быть источникомъ сужденій этого рода. Роль его часто служебная: онъ ограничивается сложеніемъ и разложеніемъ даннаго ему чувствами матеріала; непосредственныхъ началъ, которыя могли бы служить источникомъ познанія или дѣятельности, онъ въ себѣ не содержитъ. Между тѣмъ, нравственныя сужденія непремѣнно предполагаютъ непосредственный актъ одобренія; ибо, если мы извѣстный предметъ или поступокъ одобряемъ вслѣдствіе того, что онъ согласуется съ другимъ, то спрашивается: почему мы одобряемъ послѣдній? Очевидно, что мы окончательно должны придти къ чему нибудь, что одобряется само по себѣ, въ силу какого нибудь непосредственнаго

начала, которое, по этому самому, не может исходить изъ разума. А такъ какъ источникомъ его не могутъ быть также и внѣшнія чувства, которыя ничего не говорятъ намъ о нравственности, то остается предположить особое внутреннее чувство, которое извѣстными дѣйствіями непосредственно одобряетъ, а другія не одобряетъ, также какъ есть особое чувство красоты, въ силу котораго извѣстные предметы намъ нравятся, а другіе не нравятся.

Такова была теорія нравственнаго чувства, начало которой было положено лордомъ Шафтсбери, но истинный основатель которой былъ Гучисонъ (Hutcheson), профессоръ нравственной философіи въ Глазго. Въ 1720 году Гучисонъ издалъ *Исследование объ идеяхъ красоты и добродѣтели* (An inquiry into the ideas of beauty and virtue), гдѣ онъ впервые высказалъ свой взглядъ. Это сочиненіе носитъ на себѣ болѣе критическій характеръ; полное же и всестороннее развитіе его ученія содержится въ его *Системѣ нравственной философіи* (A system of moral philosophy), вышедшей въ 1755-мъ году, десять лѣтъ послѣ его смерти. Здѣсь излагается и его политическая теорія.

Нравственная философія, по опредѣленію Гучисона, должна указывать людямъ путь, который достигается высшее счастье и совершенство. Необходимы для этого правила, называемыя естественнымъ закономъ, открываются изъ разсмотрѣнія человѣческой природы. Изученіе послѣдней составляетъ такимъ образомъ основаніе нравственной науки.

Гучисонъ разсматриваетъ одно за другимъ различныя свойства человѣка. Держась ученія Локка, онъ производитъ все познаніе изъ внѣшнихъ чувствъ и внутренней рефлексіи. Волю же онъ приписываетъ къ первоначальнымъ наклонностямъ, которыя онъ раздѣляетъ на самолюбивыя и доброжелательныя. Однако этихъ началъ недостаточно для объясненія всѣхъ психологическихъ явленій; нравственныхъ и эстетическихъ понятій отсюда нельзя вывести. Поэтому, кромѣ этихъ основныхъ свойствъ человѣческой души, Гучисонъ принимаетъ еще нѣкоторыя другія, болѣе тонкія и высокія способности, которыя совершенно отличны отъ внѣшнихъ чувствъ, и никакъ не могутъ быть произведены изъ послѣднихъ. Сюда относятся чувство красоты и гармоніи, которое даетъ человѣку безкорыстное наслажденіе созерцаніемъ; дагѣ, сочувствіе къ другимъ, въ силу котораго мы радуемся чужой радости и печалимся о чужой печали. Въ разряду этихъ высшихъ способностей принадлежатъ и нравствен-

ное чувство, которое одобряет или осуждает известные дѣйствія, и тѣмъ даетъ намъ внутреннее удовлетвореніе или неудовлетвореніе, совершенно независимо отъ получаемыхъ нами выгодъ или невыгодъ. Сюда же относится чувство чести, въ силу котораго мы ощущаемъ удовольствіе отъ чужаго уваженія и похвалы, также чувство приличія и достоинства; даѣе, естественное желаніе брачной жизни, любовь къ дѣтямъ, прирожденное человѣку стремленіе къ обществу, наконецъ, религіозное чувство ¹⁾).

Всѣ эти разнообразныя опредѣленія, совмѣщаясь въ одномъ лицѣ, требуютъ известнаго порядка и подчиненія. Необходимо, чтобы какая нибудь способность управляла другими. Что же это за способность?

Отчасти эта роль принадлежитъ разуму, который можетъ сравнивать различныя стремленія и взвѣшивать относительное ихъ достоинство. Но разумъ движется въ подчиненной области; онъ служитъ орудіемъ другихъ способностей, а самъ не въ состояніи ими управлять. Онъ можетъ указать только средства и второстепенныя цѣли; конечныя же цѣли, которыя составляютъ верховное опредѣляющее начало человѣческой дѣятельности, выходятъ изъ его кругозора. Къ конечной цѣли мы стремимся въ силу такого нибудь непосредственнаго опредѣленія души, которое всегда предшествуетъ сужденію, ибо мысль тогда только движетъ къ дѣйствию, когда есть предварительное желаніе цѣли ²⁾).

Еслибы единственною конечною цѣлью человѣка было собственное его счастье, то спокойное самолюбіе было бы руководящимъ началомъ всей его дѣятельности. Но въ человѣкѣ есть, кромѣ того, совершенно безкорыстное желаніе чужаго добра, дѣйствующее помимо всякихъ личныхъ видовъ. Это ясно изъ того, что личная польза, какъ конечная цѣль, можетъ быть причиною только внѣшнихъ дѣйствій, направленныхъ къ чужому благу, но никакъ не можетъ произвести внутренняго расположенія къ другимъ. Последнее совершенно независимо отъ нашей воли. Оно одобряется внутреннимъ чувствомъ, хотя бы оно вовсе не достигало цѣли. Это внутреннее доброжелательство не можетъ быть объяснено и тѣмъ удовольствіемъ, которое мы получаемъ отъ сочувствія къ другимъ. Доброжелательство дѣйствуетъ и помимо сочувствія: мы расположены къ человѣку, котораго считаемъ хорошимъ, даже когда ничего не знаемъ

¹⁾ Syst. of Mor. Phil. Book. I, chap. 1, 2.

²⁾ Тамъ же, ch. 3, § 1.

о томъ, счастливъ онъ, или несчастливъ. Притомъ, когда мы сочувствуемъ другимъ, мы отнюдь не ищемъ въ виду то удовольствіе, которое мы отъ этого получаемъ; удовольствіе составляетъ только послѣдствіе нашего безкорыстнаго доброжелательства ¹⁾. Очевидно, слѣдовательно, что у насъ есть доброжелательныя наклонности, независимыя отъ самолюбивыхъ. Которыя же изъ нихъ мы должны дать предпочтеніе?

При разрѣшеніи этого вопроса, мы не можемъ ссылаться на то, что воля Божія, которая должна быть для насъ закономъ, ищетъ въ виду всеобщее счастье, а потому требуетъ, чтобы мы доброжелательство предпочитали самолюбію; ибо спрашивается: почему мы должны сообразоваться съ волею Божьею? Если изъ желанія награды, то конечною цѣлью нашихъ дѣяній будетъ все таки личное удовольствіе; если же мы побуждаемся любовью, благодарностью, уваженіемъ къ нравственному совершенству Высшаго Существа, то эти чисто нравственныя начала предполагаютъ извѣстное душевное свойство, въ силу котораго нравственныя побужденія должны быть владычествующимъ опредѣленіемъ нашей воли. Это и есть нравственное чувство, изслѣдованіе котораго раскрываетъ намъ все нравственное существо человека ²⁾.

Гучисонъ тщательно анализируетъ это свойство, стараясь отдѣлить его отъ смежныхъ съ нимъ началъ. Внутреннее одобреніе нравственныхъ поступковъ, говоритъ онъ, совершенно отлично отъ того удовольствія, которое доставляетъ намъ удовольствіе нашихъ доброжелательныхъ наклонностей: мы одобряемъ нравственные поступки даже у враговъ, къ которымъ мы вовсе не расположены. Оно отлично и отъ того удовольствія, которое оно само намъ доставляетъ: мы хвалимъ поступокъ не потому, что онъ намъ пріятенъ, а потому что онъ самъ по себѣ хорошъ. Вообще, добродѣтель одобряется не вслѣдствіе той пользы или удовольствія, которыя она доставляетъ дѣйствующему лицу или зрителю; тутъ есть чисто объективное начало, лежащее въ самомъ поступкѣ. Но это объективное начало, какъ уже было указано выше, не есть сообразность поступка съ волею или законами Божиими: имъ приписываютъ нравственныя свойства самому Божеству. Оно не заключается и въ сообразности дѣянія съ разумомъ, съ истиною, съ природою вещей, какъ полагаютъ нѣкоторые. Истина состоитъ въ соответствіи нашихъ

¹⁾ A. of M. Ph. B. I, ch. 3, §§ 2—5.

²⁾ Тамъ же, § 6.

суждений съ дѣйствительностью, а потому истинными могутъ быть даже сужденія о порокахъ. Сообразность поступковъ съ извѣстною цѣлью также не дѣлаетъ ихъ добрыми; надобно, чтобы самая цѣль была хороша. Цѣль же указывается не разумомъ, а чувствомъ. Всякія разумныя побужденія къ дѣятельности предполагаютъ извѣстное первоначальное опредѣленіе воли, стремящееся къ цѣли. Точно также и всякія одобряющія сужденія предполагаютъ первоначальное воспринимающее чувство, изъ котораго мы черпаемъ понятія о томъ, что хорошо и что дурно. Тутъ нельзя ссылаться на привычки, на воспитаніе, на искусственное сочетаніе понятій: все это непременно предполагаетъ какое нибудь первоначальное чувство, которое даетъ намъ матеріалъ. Всѣ наши дѣятельныя способности сопровождаются этого рода чувствами или вкусами, которые указываютъ дѣятелю настоящее ихъ употребленіе, посредствомъ того удовольствія, которое они ему доставляютъ. Самые животныя чувствуютъ удовольствіе, когда они слѣдуютъ своимъ инстинктамъ. Такое же удовольствіе сопровождаетъ и употребленіе высшихъ способностей человѣка, и этимъ опредѣляется то одобреніе, которое мы даемъ нравственнымъ поступкамъ. Есть дѣйствія, которыя сами по себѣ намъ нравятся, а другія не нравятся. Также, какъ низшія способности, это нравственное чувство можетъ совершенствоваться безъ всякаго отношенія къ разуму. Наконецъ, оно само указываетъ намъ на то, что оно назначено господствовать надъ другими силами души и управлять всею нашею дѣятельностью. Мы понимаемъ это непосредственно, какъ только сознаемъ въ себѣ нравственныя понятія. Всего яснѣе это оказывается въ томъ, что мы ощущаемъ въ себѣ высшее удовольствіе, когда мы всѣмъ жертвуемъ нравственнымъ требованіямъ ¹⁾).

Какого же рода поступки одобряются нравственнымъ чувствомъ? Всѣ тѣ, къ которымъ человѣкъ побуждается доброжелательствомъ къ ближнимъ. Напротивъ, дѣйствія, которыхъ единственною цѣлью является личное удовольствіе, не одобряются. Впрочемъ, пока личныя стремленія не превышаютъ мѣры и не наносятъ зла другимъ, они также и не осуждаются. Мы получаемъ отъ нихъ извѣстное удовольствіе, совершенно однако отличное отъ того удовольствія, которое доставляетъ намъ нравственное чувство. Но когда личныя цѣли превѣшиваютъ доброжелательныя наклонности, онѣ становятся предметомъ осужденія.

¹⁾ S. of M. Ph. Book I, ch. 4, §§ 1—6.

Что касается до самых добродетельныхъ наклонностей, то изъ нихъ нѣкоторыя одобряются болѣе, другія менѣе. Чѣмъ шире добродетельство, тѣмъ больше одобреніе. Всеобщее добродетельство заслуживаетъ наибольшую хвалу. Наконецъ, высшую степень одобренія получаетъ само нравственное чувство, когда оно является свойствомъ известнаго лица. Эта любовь къ нравственному совершенству составляетъ сущность истиннаго благочестія и поклоненія Богу ¹⁾.

Такимъ образомъ, посредствомъ нравственного чувства, всѣ наши способности приводятся въ согласіе и подчиняются одна другой ²⁾. Это чувство существуетъ во всѣхъ людяхъ; всѣ одинаково одобряютъ добрыя дѣянія и осуждаютъ злыя. Если въ этомъ отношеніи есть различія, то они происходятъ отъ неправильности сужденій, а не отъ разнообразія чувствъ. Главныя причины отклоненій суть: 1) различныя мнѣнія о томъ, что составляетъ счастье человека; 2) болѣе или менѣе обширный кругъ понятій, въ которыхъ вращаются люди: одни имѣютъ въ виду только свое отечество или даже свою партію, другіе — весь человѣческій родъ; 3) различныя мнѣнія о томъ, что считается волею Божіею: отсюда одобреніе, напримѣръ, человѣческихъ жертвоприношеній, инквизиція и т. п. Нравственное чувство всегда есть, но оно нерѣдко веревѣшивается и затмѣвается другими понятіями и стремленіями ³⁾.

Такимъ основанія теоріи Гучисона. Очевидно, что она вся коренится въ системѣ Локка. Разумъ, по этому воззрѣнію, не даетъ намъ никакихъ самостоятельныхъ началъ познанія или дѣятельности; онъ изводится на степень простаго орудія и ограничивается обличеніемъ данныхъ, представляемыхъ чувствами. Поэтому, какъ скоро мы находимъ самостоятельное понятіе или стремленіе, такъ мы непремѣнно должны предположить особое чувство, изъ котораго оно истекаетъ. Отсюда наклонность всѣхъ послѣдователей шотландской школы разнообразить до безконечности человѣческія способности. Мы видимъ, что у Гучисона, рядомъ съ нравственнымъ чувствомъ являются чувство чести и чувство приличія и достоинства, которые отличаются отъ перваго вслѣдствіе того, что самыя понятія о чести, приличіи и достоинствѣ не подходятъ подъ нравственныя правила. Такимъ образомъ, для каждаго рода пони-

¹⁾ B. of M. Pk. Book I, ch. 4, §§ 7—10.

²⁾ Тамъ же, § 12.

³⁾ Тамъ же, ch. 5, §§ 6, 7.

тѣмъ нуженъ особый органъ въ человѣческой душѣ, и притомъ органъ двоякаго рода: по теоріи Гучисона, каждая дѣятельная способность сопровождается соответствующимъ воспримчивымъ чувствомъ или вкусомъ, указывающимъ надлежащее ея употребленіе посредствомъ того удовлетворенія, которое она доставляетъ дѣятелю.

Ясно, что по этому воззрѣнію, самая нравственность нисходитъ на степень простаго вкуса. Этотъ выводъ и былъ въ послѣдствіи сдѣланъ скептицизмомъ. Но въ такомъ случаѣ, она не можетъ имѣть пріязанія на первенствующее значеніе въ человѣческой жизни. По утврѣнію Гучисона, само внутреннее чувство непосредственно говоритъ намъ, что оно должно быть владѣющимъ въ душѣ человѣка. Но оно говоритъ это только тѣмъ, у кого оно преобладаетъ. Въ комъ эгоистическія стремленія имѣютъ перевѣсъ, тотъ естественно будетъ слѣдовать послѣднимъ, и отъ него нельзя требовать ничего другаго. Вообще, никакое субъективное чувство не можетъ быть возведено на степень общаго закона для человѣческой дѣятельности. Чувства разнообразны и противоположны другъ другу. Чтобы рѣшить, которое изъ нихъ должно имѣть перевѣсъ, необходимо общее начало, возвышающееся надъ ними, а таковымъ можетъ быть только разумъ, который одинъ можетъ одобрять или не одобрять дѣйствія, смотря по тому, согласны они съ его требованіями или нѣтъ. Одобреніе есть сужденіе, а всякое сужденіе принадлежитъ разуму, хотя онъ не всегда способенъ выяснить причины своего приговора. Гучисонъ утверждаетъ, что разумъ можетъ судить только о средствахъ, а никакъ не о конечной цѣли; но понятіе о высшей конечной цѣли, о всеобщемъ добрѣ, дается разумомъ, а не чувствомъ. Непосредственно мы стремимся лишь къ частнымъ цѣлямъ. Чтобы рѣшить, которая изъ нихъ согласна съ общимъ требованіемъ, опять таки необходимо общее, то есть, разумное начало. Самъ Гучисонъ выдаетъ вложенное въ человѣка нравственное чувство за средство, установленное Богомъ для осуществленія всеобщаго добра ¹⁾; спрашивается: откуда беремъ мы подобную мысль? Само ли нравственное чувство говоритъ намъ, что оно есть средство для высшей, божественной цѣли? Очевидно нѣтъ, ибо оно о божественныхъ цѣляхъ ничего не знаетъ и не въ состояніи судить о томъ, что выходитъ изъ его круговора. Источникомъ подобнаго сужденія можетъ быть единственно разумъ, кото-

¹⁾ S. of M. Ph. B. I, ch. 9, § 6.

рый такимъ образомъ, посредствомъ идеи всеобщаго добра, становится судьею самаго нравственнаго чувства. Дѣло въ томъ, что эта высшая конечная цѣль чловѣка, идея всеобщаго добра, не есть ничто непосредственно данное. Она означаетъ согласіе всѣхъ вещей, которое одобряется разумомъ потому именно, что это — высшее разумное начало, единство всего сущаго и познаваемаго. Ясно, что это понятіе вырабатывается разумомъ, а не чувствомъ, которое непосредственно относится только къ частнымъ дѣйствіямъ и предметамъ.

Мы видимъ здѣсь всю недостаточность теоріи Локка. Отвергая всякія общія начала, какъ производныя, она вела къ необходимости основываться на какомъ нибудь непосредственномъ чувствѣ, которое бы служило чловѣку высшимъ мѣриломъ его сужденій и дѣйствій. Но въ приложеніи къ нравственности, эта точка зрѣнія могла породить только неразрѣшимыя противорѣчія: внутреннее чувство должно судить о конечной цѣли, а между тѣмъ, въ результатъ, оно само является средствомъ; оно призвано управлять всею дѣятельностью чловѣка, какъ высшее требованіе, которому должно подчиняться все остальное, а между тѣмъ, къ сущности, оно само ничто иное, какъ известнаго рода вкусъ, то есть, болѣе или менѣе случайное явленіе, которое стоитъ наряду съ другими и никакъ не можетъ имѣть притязанія на господство. Руководствуясь тонкимъ анализомъ понятій, Гучисонъ старается отличить нравственное одобреніе отъ всякихъ субъективныхъ ощущеній; онъ ищетъ для нравственности объективныхъ началъ, но такъ какъ для послѣднихъ нѣтъ мѣста въ его системѣ, то окончательно все сводится опять къ чисто субъективному чувству, которое тѣмъ менѣе можетъ служить общимъ руководителемъ, что оно далеко не у всѣхъ существуетъ въ достаточной для того степени. Самъ Гучисонъ сознается, что у людей вообще есть сильная склонность къ личному счастью, склонность, которая нерѣдко превышаетъ нравственныя требованія. Поэтому онъ старается доказать, что добродѣтель, служа общему благу, вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ и высшее личное счастье чловѣку ¹⁾.

Доказательство берется изъ сравненія различныхъ удовольствій, которые испытываютъ люди. Каждый непосредственно чувствуетъ, которое изъ двухъ ощущаемыхъ имъ удовольствій выше. Разумъ, съ своей стороны, даетъ намъ понятія о продолжительности и о послѣдствіяхъ

¹⁾ В. of M. Ph. B. I, ch. 5, § 2.

того и другаго наслажденія. Такимъ образомъ, исправля ложныя мнѣнія объ ихъ цѣнѣ, онъ служитъ главнымъ средствомъ для утѣренія минутныхъ влеченій и для достиженія высшаго по возможности счастья. Гучисонъ сравниваетъ различныя удовольствія относительно ихъ достоинства и продолжительности. И въ томъ и въ другомъ отношеніи, предпочтеніе отдается удовольствіямъ нравственнымъ, какъ самымъ благороднымъ и доставляющимъ наиболѣе продолжительное ощущеніе. Точно также и нравственныя страданія онъ ставитъ выше всѣхъ другихъ ¹⁾. Здѣсь, конечно, возникаетъ самое простое возраженіе, что вкусы у людей разные, что отнюдь не всѣ считаютъ нравственныя удовольствія высшими, а напротивъ, многіе предпочитаютъ наслажденія физическія, а такъ какъ все здѣсь окончательно сводится къ личному ощущенію, то невозможно постановить какое бы то ни было общее правило. Но Гучисонъ отрицаетъ у людей, предавшихся чувственнымъ удовольствіямъ, способность судить о высшихъ наслажденіяхъ. Истинными судьями, по его мнѣнію, могутъ быть только тѣ, которые испытали то и другое, то есть, люди добродѣтельные ²⁾. Опроверженіе, нельзя не сказать, весьма слабое, основанное на совершенно произвольномъ положеніи. Невозможно утверждать, что люди, привязанные къ чувственнымъ удовольствіямъ, вовсе не знакомы съ духовными. Нерѣдко они весьма хорошо знаютъ послѣднія, но непосредственное чувство заставляетъ ихъ предпочитать первыя. Если человекъ бѣжитъ семейной жизни для продажныхъ красавицъ, то это происходитъ вовсе не оттого, что ему семейная жизнь незнакома, а оттого что другія прелести для него болѣе привлекательны. Вообще, въ личномъ чувствѣ нѣтъ ничего, что бы могло служить общимъ мѣриломъ для всѣхъ; каждый слѣдуетъ здѣсь собственному вкусу. Другое дѣло, еслибы послѣдствіемъ добродѣтели всегда было счастье, а послѣдствіемъ порока или любви къ низшимъ удовольствіямъ — несчастье человека. Тогда можно бы сказать, что предающійся пороку избираетъ не тотъ путь, который ведетъ къ предполагаемой имъ самой цѣли. Но такое совпаденіе далеко не всегда встрѣчается въ жизни, и самъ Гучисонъ, заключивши изъ сравненія удовольствій и страданій, что истинное счастье всегда слѣдуетъ за добродѣлью, считаетъ однако это доказательство недостаточнымъ. По его собствен-

¹⁾ S. of M. Ph. B. I, ch. VII.

²⁾ Тамъ же, § 2.

ному сознанію, для полного утвержденія въ добродѣтели, нужно еще познаніе Бога, управляющаго міромъ и все приводящаго къ наилучшему исходу. „Благость Божія, говоритъ Гучисонъ, есть великое основаніе нашего счастья и главная опора добродѣтели“ ¹⁾.

Откуда же получается ны понятіе о Богѣ, объ этомъ высшемъ предметѣ нравственнаго чувства, какъ говоритъ Гучисонъ?

Если при выборѣ наслажденій разумъ отчасти являлся руководителемъ чувствъ, то здѣсь уже онъ даетъ самый матеріалъ. И по теоріи Гучисона, существованіе Бога доказывается не чувствомъ, а разумомъ. Познаніе окружающаго міра, въ которомъ мы усматриваемъ слѣды разумной дѣятельности, заставляетъ насъ предположить существованіе верховнаго, управляющаго всѣмъ Разума. Идея совершеннѣйшаго существа, которая въ насъ рождается, заставляетъ насъ приписать Богу всевозможныя совершенства. И въ этомъ, добытомъ разумомъ понятіи нравственное чувство находитъ конечную свою цѣль и главную свою поддержку. Высшія наши нравственныя обязанности относятся къ этому существу, скрытому отъ непосредственныхъ чувствъ. Разумъ дѣлаетъ заключенія о волѣ Божьей, и эти заключенія принимаются и подтверждаются, какъ нравственнымъ чувствомъ, такъ и личнымъ интересомъ ²⁾. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ оказывается, что разумъ не только даетъ намъ познаніе средствъ и второстепенныхъ цѣлей, но указываетъ намъ и высшую нравственную цѣль, — божественныя совершенства. Разумъ, посредствомъ добытыхъ имъ высшихъ истинъ, становится руководителемъ и опорой нравственнаго чувства, которое исходитъ на степень средства къ достиженію верховной цѣли міроустройства, — всеобщаго добра.

Таковы результаты теоріи Гучисона: Они служатъ лучшею повѣрною всей его системы. Посмотримъ теперь на приложеніе этихъ началъ къ праву и политикѣ.

Держась нравственной точки зрѣнія, Гучисонъ послѣдовательно выводитъ юридическія отношенія изъ нравственныхъ. Правымъ, по его опредѣленію, называется, вообще, то дѣйствіе, которое имѣетъ въ виду или общее благо, или частное, совмѣстное съ общимъ. Отсюда возникаетъ другое, болѣе спорное понятіе о правѣ, какъ нравственномъ каче-

¹⁾ S. of M. Ph. B. I, ch. 9, § 15; ср. ch. 10, § 4.

²⁾ Тамъ же, B. I, ch. 9, 10; B. II, ch. 3, § 6.

ствѣ лица: Человѣку приписывается право дѣлать, имѣть или требовать что либо, когда это дѣйствіе, владѣніе или требованіе клонится къ общему благу или къ пользѣ лица, совмѣстной съ правами другихъ и съ общими благами. Такимъ образомъ, здѣсь являются два начала: общее благо и личное. Первымъ опредѣляется высшая степень правомѣрности, вторымъ низшая. Последняя подчиняется первой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и содержится въ ней, какъ часть въ цѣломъ. Польза всей системы требуетъ удовлетворенія всѣхъ заключающихся въ ней личныхъ желаній и стремленій, пока они не противорѣчатъ какому нибудь высшему началу. Поэтому полагается, что каждый имѣетъ право на такое удовлетвореніе. Это чувство права составляетъ основаніе и чувства свободы, которое состоитъ въ томъ, что каждый удовлетворяетъ своимъ желаніямъ по собственному усмотрѣнію, на сколько это не противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ ¹⁾. Изъ всего этого Гучисонъ выводитъ наконецъ слѣдующее опредѣленіе права на основаніи высшей, конечной его цѣли: *право есть то, что ведетъ къ общему благу* ²⁾.

Отсюда раздѣленіе правъ на совершенныя и несовершенныя, смотря по тому, въ какой степени общая польза требуетъ ихъ охраненія. Нѣкоторые изъ нихъ такъ важны, что они охраняются даже силою: таково право всякаго человѣка на жизнь, право на доброе имя, на неприкосновенность тѣла, на плоды честнаго труда, наконецъ, на всѣ дѣйствія, совершаемыя въ предѣлахъ естественнаго закона. Эти права, называемыя правами естественной свободы, должны быть обезпечены всякому, развѣ когда общая польза человечества требуетъ ихъ нарушенія. Общество не можетъ существовать, если они не считаются священными. Напротивъ, другія права, столь же священные въ глазахъ Бога, не охраняются силою, а предоставляются добровольнымъ отношеніямъ людей, ибо они не столь необходимы для существованія обществъ. Таково право бѣдныхъ на помощь богатыхъ, право благодѣтелей на благодарность и т. п. Наконецъ, существуетъ и третій видъ права, именно, право *нѣмнѣе*, которое въ сущности ничто иное, какъ призракъ права. Оно является тамъ, гдѣ извѣстное дѣйствіе, владѣніе или требованіе противорѣчатъ нравственнымъ началамъ, а между тѣмъ, по нѣкоторымъ отдаленнымъ видамъ общаго блага, оно не только не отрицаетъ

¹⁾ S. of M. Ph. Book II, ch. 3, §§ 1, 2.

²⁾ Тамъ же, § 7.

са, а напротивъ, охраняется обществомъ. Такъ напримѣръ, немилосердный купной нѣтъ только призракъ права на ту часть имущества, которую онъ, въ силу нравственной обязанности, долженъ бы былъ употребить на дѣла человеколюбія; однако это имущество обезпечивается ему закономъ, который запрещаетъ на него посягать ¹⁾.

Въ этомъ ученіи Гучисона лѣно полное смѣшеніе нравственныхъ и юридическихъ понятій, но не въ пользу того или другаго начала, а съ уничтоженіемъ всякаго точнаго разграниченія обоихъ. Съ одной стороны, въ силу нравственныхъ требованій, высшій опредѣляющій началомъ права является общее благо, которому все должно подчиняться. Чисто юридическое понятіе о правѣ даже вовсе отвергается, какъ пустой призракъ или внѣшняя форма. Но съ другой стороны, самое общее благо, вслѣдствіе индивидуалистической точки зрѣнія, слагается изъ личныхъ польвъ; оно требуетъ не только исполненія всѣхъ личныхъ желаній и цѣлей, на сколько это не мѣшаетъ другимъ, но и удовольренія ихъ по собственному усмотрѣнію человѣка. Вслѣдствіе этого оказывается, что существеннѣйшія права вовсе не тѣ, которыя требуются общему благомъ, а тѣ, которыя вытекаютъ изъ природенной человѣку свободы. Такимъ образомъ, если съ одной стороны личное право не вѣрно выводится изъ нравственнаго начала, то съ другой стороны, самое нравственное начало распускается въ правѣ.

✓ Также двойственность является и въ ученіи о власти. Гучисонъ отвергаетъ теорію Локка, который, по примѣру общежительной школы, выводилъ всѣ человѣческія обязанности изъ необходимости, налагаемой волею высшей власти. Ссылаясь на Лейбница, онъ указываетъ на то, что самое право повелѣвать должно имѣть основаніе въ нравственномъ законѣ. Это право принадлежитъ тому, у кого есть достаточно мудрости и благости для управленія подчиненными. Отсюда власть Бога надъ людьми. Но къ человѣческимъ дѣламъ это правило не приложимо, ибо нѣтъ человѣка, который могъ бы представить неоспоримыя доказательства высшей мудрости и благости. Поэтому человѣческая власть можетъ быть основана только на добровольномъ подчиненіи ²⁾. Такимъ образомъ, все здѣсь опять сводится къ личнымъ правамъ человѣка.

¹⁾ A. of M. P. B. II, ch. 2, §§ 2, 5.

²⁾ Тамъ же, §§ 6, 7.